

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ — ВЗГЛЯД ИЗ ТАТАРСТАНА

Распался в одночасье «Союз нерушимый». Сейчас уже ясно, что в одиночку жить невозможно, и нужен новый союз, построенный в отличие от Советского, на демократических началах. Насущная задача политиков — выработать основы нового объединения, которое позволит вернуть прежнее экономическое пространство и социально-политическое влияние страны, сохранив при этом суверенность народов. Для обсуждения этих проблем и собрались в Казани ученые — члены российского клуба «Реалисты» со штаб-квартирой в Москве. Направление поисков обозначилось уже в самой формулировке темы семинара: «Будущее России в XXI веке. Евразийский проект — взгляд из Татарстана». На основе каких общих интересов могут добровольно объединиться независимые страны? Есть ли общие культурные ценности для духовного единения мусульман и православных, славянских и тюркских народов? В каком отношении будут участники нового союза друг к другу? Какое место займет в нем Россия? Может ли Татарстан претендовать на членство в союзе? — Вот те ключевые вопросы, на которых сосредоточилось внимание ученых. Своими размышлениями по поводу затронутых проблем делится один из участников семинара, академик Российской академии образования и Академии наук Татарстана

Мирза Махмутов.

КАК СТРОИТЬ НОВЫЙ СОЮЗ?

В спорах об условиях реализации идеи единения акцент делался в основном на

вопросах духовного единения народов, национальных культур. Тут важно обратить внимание на два понятия, в которых порой допускается путаница. Это понятия русский и россиянин. Между тем их правильное употребление в идеологическом плане имеет большое значение. Русский — это россиянин, но россиянин это не только русский, но и любой житель России (татарин, башкир, мордвин и т. д.).

На пути демократического объединения множество других проблем политического и межнационального характера. Например, проблемы казачества и его взаимоотношений с другими этносами того или иного региона, стремление некоторых политиков подчинить все и вся интересам России, навязать ее национальные ценности другим народам. Сюда же можно отнести и проблему межконфессиональных отношений: православие все более становится официальной религией государства.

Однако времена изменились и требуют изменения наших взглядов на прежние понятия. В мировом общественном сознании все больше утверждается идея взаимопонимания как условия выживания. Нами эта идея трудновато воспринимается. «Мы воспитаны в борьбе с кем-то, а надо — объединяться...», — заметил академик Б. Раушенбах о нашем искривленном сознании.

Какой тип союза поддерживает сегодня общественное мнение стран СНГ? Возможен ли у нас союз по аналогии с Европейским Содружеством (ЕС), который формировался на демократических основах чуть не сорок лет? На какой основе может строиться новый союз — добровольности или вынужденности, с учетом мнения народов или только правительств? Все это имеет практическое значение, если мы хотим прочного союза, а не эфемерного объединения.

Готова ли общественность к демократическому единению? Вот первый вопрос, на который надо дать обоснованный ответ, потому что от этой готовности более, чем от решений правительств зависит успех дела. Что способствует и что мешает формированию положительного общественного мнения об идее Евразийского союза? Главный редактор журнала «Евразия» проф. Э. Баграмов уверен, что «Общественность настроена против Евразийского проекта». Писатель Олег Платонов считает, что «надо учить молодежь восприятию других культур. А пока это идея академическая, ее сразу не воспримут ни рабочие, ни крестьяне».

Столь категоричное суждение вряд ли обоснованно. С каждым годом республики СНГ все больше стремятся к интеграции своей экономики с российской. Быстрее стали налаживать связи отдельные предприятия, фирмы и

компании. Именно экономическая потребность и будет служить основной базой объединения стран СНГ в новый союз. А формирование общественного мнения в пользу единения — одна из актуальнейших задач национальной интеллигенции.

Существуют разные модели практической организации Евразийского союза. Свои концепции есть у Москвы, Казахстана, Белоруссии. Интересные идеи высказывали и участники семинара. Одни считают, что Евразийский союз — это только государства бывшего СССР, никого больше включать не следует. Председатель Госсовета Татарстана, академик В. Лихачев, наоборот, считает, что круг участников этих процессов нельзя ограничивать только бывшими союзными республиками, поскольку принцип построения Евразийского союза — уважение прав народов, в том числе и на самоопределение.

Нынешний Договор между правительствами России и Татарстана должен быть основой отношений и в Евразийском проекте,— утверждает академик И. Тагиров. Он убежден, что «путь добровольности и асимметричности федерации исключает чеченский вариант...».

Думается, в этих двух высказываниях казанских ученых содержатся методологические принципы построения Евразийского союза. Первый— принцип баланса интересов России и всех других государств— участников нового союза. Дезинтеграция экономики и монетарной системы сильно понизили уровень жизни населения во всех странах СНГ. И только экономическая и политическая интеграция может вывести их из кризисного состояния. Но суверенные государства опасаются потерять свою независимость, а Россия не имеет опыта равноправных отношений с бывшими своими колониями.

Вторым принципом объединения является добровольность и асимметричность федерации (союза) государств и народов Азии и Европы. У принципа асимметричности большая история. До революции в состав Российской империи кроме ее собственных губерний входили Бухарский эмират и Хивинское ханство, Царство Польское и Финляндия. Политической уравниловки не было даже при царе. Советский Союз имел эту асимметричность в форме союзных и автономных республик. Однако народы в нем не имели самостоятельности в общепринятом смысле, и вся их «добровольность» держалась силой тоталитарного государства.

Построение нового государства и управление им на принципах демократии невозможно без нового мышления. И это не пустые слова. Формирование новых социальных структур известный философ-гуманист Эрих Фромм связывает с особенностями социального характера людей. «Многие считают,— пишет он,— что

следует сначала радикально изменить политическую и экономическую структуру, а потом изменится и человеческое сознание... Они не понимают, что новая элита, обладающая прежним социальным характером, будет стремиться воссоздать условия старого общества в новых социально-политических структурах...» («Иметь или быть?», М., 1990, с. 139).

КУДА ПОЙДЕТ ЕВРАЗИЯ?

Требуется ясности и вопрос общественного устройства будущего Союза. Предполагается ли построение капитализма, сердцевиной которого считается рыночная экономика, или же своего рода усовершенствованного, свободного от прежних утопических идей социализма? Эти два понятия тоже требуют осмысления. Капитализм по западному образцу в России вряд ли возможен, потому что он органически связан с демократией по западному же образцу. Эта демократия воспитала такой тип мышления, который характеризуется как «индивидуализм» опять-таки не в привычном для нас отрицательном смысле. На Западе он понимается как полная свобода личности в выборе средств развития своих способностей и свободного предпринимательства.

Первая же попытка вступить в рыночную экономику показала несоответствие нашего коллективизма западному индивидуализму. Психология наших людей не менее эгоцентрична, но при этом содержит изрядную долю иждивенчества. Вряд ли можно опираться на нашу «специфическую цивилизацию» и при переходе к западной демократии, как это считает проф. А. Панарин. Мы действительно имеем особый менталитет, и западная демократия у нас, пожалуй, не приживется. Не следует ли отсюда, что в нашей стране невозможен и капитализм западного образца?

Так может быть в Евразийском Союзе необходимо продолжить построение социализма? Но не на базе утопической идеологии, а на реальной демократической основе и рыночных отношениях, с использованием положительных результатов великого социального эксперимента, с учетом плюсов и минусов нашего прежнего опыта, нашего специфического менталитета, своеобразия нашей общей культуры. Возможно, искомое единство народов и государств обеспечит такая идея демократического социализма.

Нас убеждают, что будет рынок — будет все. Но мы не верим. Во-первых, рынок — средство, а не цель движения. Во-вторых, чем обернется рынок для нас? Изобилием благ для большинства, или массовой безработицей, нищетой и

бесправием? Кто же добровольно пойдет на союз с такой страной? И куда будет клониться чаша весов национального общественного мнения — к турецкому капитализму, шведскому или мусульманскому социализму, третьему миру или чему-то еще? Пока не ясна цель переустройства самой России, пока нет единой идеологии, подвигнуть народы СНГ на добровольное объединение не удастся.

РОССИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

Привлекательны ли для стран СНГ нынешнее внешнее положение России и состояние ее национальной безопасности? Прямо скажем, не очень. Во-первых, Запад постарается не допустить, чтобы Россия заняла в СНГ прежнее положение руководящего центра (хотя и с тайной надеждой наблюдает, как Россия сдерживает натиск мусульманских народов на востоке и юге). Во-вторых, собственная национальная безопасность России под угрозой. В каком положении оказалась Россия после поражения СССР в идеологической борьбе двух сверхдержав и его распада? Специалисты в области дипломатии довольно четко обозначили это положение. Россия вынуждена сдерживать афганских моджахедов в Таджикистане, «чтобы не сдерживать их где-нибудь на Урале и Волге» («Холодная война проиграна. Что впереди?» «Российская Федерация», № 19, 1994). Непокойна граница с Северным Казахстаном, чреватая этническими конфликтами (которые, кстати, начали провоцировать казачьи атаманы) и т. д.

Чтобы обеспечить свою целостность, Россия нуждается в военном сотрудничестве не только со странами Запада, но и с республиками СНГ, причем, не меньше, чем они в союзе с Россией.

Не слишком привлекательно и внутреннее положение России. Проблемы ее внутреннего единства из-за консервативности мышления правителей становятся неразрешимыми. Какой должна быть сегодня Россия как ведущее государство будущего Евразийского союза? Каким может быть сам союз? Одни считают, что это должно быть унитарное государство, другие—демократическое, федерация нового типа, возможно конфедерация. Не исключается и диктатура. Например, проф. О. Кургинян утверждает, что для подъема экономики и решения проблем субэтнических конфликтов нужны диктаторы и мощное централизованное государство, которое одно спасет от развала.

Увы, причина развала многим видится не в объективных законах развала колониальных империй, а в сепаратизме отдельных субъектов федерации. Так, проф. Д. Ольшанский, директор Центра стратегического анализа и прогноза,

рассуждает: «Чебоксарский процесс пошел. Но «выпорол» Чечню, и субъекты притихли... Конфедерация придет на смену федерации просто как замена вывески... Или Ельцин согласится, или новый президент придет с конфедерацией. Опыт Татарстана показывает это... Становясь во главе чебоксарского процесса, Татарстан рискует стать второй Чечней...»

Найдутся ли в такой ситуации желающие добровольно объединиться с Россией? Так чем же хотят привлечь суверенные государства, независимые народы Азии в Евразийский союз?

Иное видение проблем у В. Лихачева. Он указал на противоречия между федеративной властью и гражданским обществом, властью в центре и на местах, интересами государства и интересами нации, например, татарской. Кроме того, есть разные трактовки татарско-русских взаимоотношений.

В обстановке подъема национального движения нерусских народов, естественно, пробудился и русский национализм. Но основанный на традиционной ценностной ориентации, на идее великодержавности («Россия — великая держава» — повторяет ее президент), на веками вращенном имперском мышлении, русский национализм стал угрожать даже самим русским: он ведет прямой дорогой к фашизму!

Не потому ли и общее направление политизированного общественного сознания идет от широкого интернационализма к узкому национализму? Если в первом была поддержка малых народов идеей равенства, то во втором — прямая угроза их самостоятельному этническому существованию, праву на свободу и саму жизнь. Это хорошо понимают не только внутри России, но и в ближнем зарубежье.

РУССКАЯ ИЛИ РОССИЙСКАЯ?

Великая российская культура — общее достояние всех россиян. Делить ее на «нашу» и «не нашу», русскую и нерусскую не следует, хотя бы потому, что это порождает идеологию национализма и разъединяет людей.

Русская национальная культура — давно уже не просто этническая: она веками развивалась с участием талантливых представителей разных народов, она стала российской. Нисколько не умаляя роли других народов в развитии русской культуры, в качестве примера назовем только три народа: татар, немцев, евреев.

Татары внесли в российскую культуру немалый вклад. Что же в ней татарского? Главным образом элементы менталитета, образа мышления.

Например, в своих исследованиях князь Н. Трубецкой подчеркивает положительное влияние психики тюрков на формирование русского национального характера. Носителями и создателями русской культуры были и есть тысячи выходцев из татар. Например, русская народная песня «Во поле березонька стояла...» сочинена Нигматом Ибрагимовым в XIX веке. «Хороши вечера на Оби...» и много других песен — композитором Агзамом Фаттахом — в середине XX века. Татарского происхождения многие писатели: И. Тургенев, А. Куприн, М. Гаршин, Ч. Айтматов (татарин по матери), М. Львов и другие. Есть татары среди русских художников и музыкантов, певцов и артистов, ученых, дипломатов и администраторов. Были даже русские цари татарского происхождения (Борис Годунов)...

Немцы с легкой руки Петра принесли в Россию европейские системы науки и образования, горного дела и мануфактуры, создавали русскую армию и систему управления государством, морской флот и многое другое. Сколько их было среди русских писателей — философов, художников, музыкантов, ученых! А какую прекрасную русскую энциклопедию создали Брокгауз и Ефрон! Только по Казани можно назвать сотни имен. На русском троне не одна Екатерина Великая была немецкой крови...

Как татарское влияние в верхах вытеснили немцы и другие европейцы, так в XX веке их самих вытеснили евреи. Среди русских ученых, музыкантов, писателей и поэтов, врачей и педагогов их так много, что трудно перечислить. В советское время много евреев работали руководителями больших строек, крупнейших предприятий, научных центров: они побывали и на советском «троне» — в Политбюро (Троцкий, Бухарин, Каганович, Гришин и др.).

И сегодня много представителей еврейского народа среди русской интеллигенции. Они руководят крупнейшими театрами, большими и малыми оркестрами, газетами и журналами, политическими партиями и движениями, находятся в верхних эшелонах власти... Без сомнения, огромна роль евреев в развитии русской, советской, российской культуры.

Как бедны мы были бы сегодня без детских книжек Самуила Маршака, без прозы Чингиза Айтматова, поэзии Бориса Пастернака, Мусы Джалиля и Расула Гамзатова, без симфоний Шостаковича, без музыки Ростроповича, Эшпая, без «Виртуозов Москвы» Спивакова, без юмора Аркадия Райкина, без танцев Майи Плисецкой и Махмуда Эсамбаева...

Российская культура — это синтез культур многих народов как результат

участия в ее развитии их талантливых представителей. Русский язык как «инструмент» мышления, знаний, культуры вообще стал общим для всех народов России. Когда называют балетмейстера с мировым именем Рудольфа Нуриева, композитора Софию Губайдулину, шахматистов Гату Камского, Артура Юсупова — татары переживают чувство гордости, сознавая в то же время, что это представители не только татарской, но общей, российской культуры. Российская культура по сути интернациональна, она — залог дружбы российских народов. Это должно быть элементом идеологии развития российской духовности. Только не надо замалчивать факт ее великого синтеза, не надо возвеличивать одну нацию, приписывая только ей все достижения русской культуры. Это обижает остальных, бьет по их национальному достоинству.

Девизом национальной идеи России может быть — «каждый житель ее — россиянин». А «единство в многообразии» — принципом бытия российского народа, состоящего из многих национальностей с равными правами на материальные и культурные ценности, созданные руками и интеллектом миллионов русских и нерусских. Каждый этнос может иметь свою государственность, самостоятельность в рамках единства на основе разного уровня равноправных договоров. Это даст асимметричную федерацию, своего рода синтез федерации и конфедерации. Не возврат к далекому прошлому и «губернизация», а создание новой, демократической России, где хорошо и русским, и нерусским. Все это могло бы послужить основой для демократического объединения в Евразийский союз.

КАК МЫСЛИМ, ТАК И ЖИВЕМ

На процесс развития общества влияют многие факторы и в первую очередь уровень развития личности, культура мышления, особенно правящей элиты. На это и обращал внимание ученых философ А. Ахиезер. Неудачи реформ он склонен объяснять тем, что не учитывается своеобразие человеческого фактора в России: «О самобытности говорят уже на протяжении столетий, наука практически не включается в обсуждение этой проблемы, оставляя ее решение расхожим мифам» («Третье сословие», 1994, № 16, с. 10). Один из них, по мнению ученого — убеждение в том, что самобытность российской культуры дает ей преимущество перед другими. Оценку этого суждения он предлагает начать с поиска сути самобытности, с выявления ее «цивилизационной принадлежности». Ахиезер пришел к выводу, что исторически в ее основе «постепенно

вырисовывается движение между традиционной и либеральной цивилизациями. Первая ориентирована на сохранение сложившихся форм жизни. Вторая утверждает возрастающую ценность личности, ее значимости как субъекта истории, ее способности выносить решения, формировать смыслы. Россия, начиная с попыток модернизации, преодолевала традиционализм, но не смогла стать страной либерального типа. Иначе говоря, страна «застряла» между двумя цивилизациями. Граница между цивилизациями проходит через живое тело народа, создавая в нем состояние раскола».

И далее философ поясняет: «Специфика России связана не с самим фактом исторического перехода от одной цивилизации к другой, но с особым характером этого перехода: в России сложилась основа особого типа неорганической цивилизации, сформировавшейся как результат приспособления к собственному расколу».

Под расколом автор имеет в виду нарушение коммуникаций внутри общества, не просто противоречия, а «разрыв между обществом и государством, между духовной и властвующей элитой, между народом и властью, народом и интеллигенцией, внутри народа». Можно добавить к этому разрыв между русским и другими народами России, российским в целом и народами вчерашних союзных республик. В связи с резким поворотом к религии, возник раскол и внутри отдельного человека, воспитанного на атеистической идеологии. Вот такая цивилизационная ситуация отражает специфику сегодняшней России.

Что же является объективной основой раскола в обществе? По мнению Ахиезера, это господство в обществе инверсионного типа мышления и принятия решений, то есть оперирования готовыми результатами мышления, уже имеющимися элементами культуры. Противоположный тип мышления он обозначает понятием медиация, которое трактует как акт осмысления, принятия решений, где смысл формируется через выработку нового результата, а новый результат — это новый элемент культуры.

Исходя из особенностей описанного типа мышления, Ахиезер считает, что наша жизнь пронизана «хромающими» решениями. Любое значимое решение отменяется, не успев реализоваться, все решается как исключение, разрешенное запрещается, все сказанное и записанное опровергается, чтобы вновь утвердиться. Такие «хромающие» решения возникают в результате неспособности принять целостное синтетическое решение.

Ученый считает это серьезным тормозом в налаживании диалога с другими странами и народами. «Можно бороться за мир, заключать соответствующие соглашения и одновременно — вводить войска в другие страны. Каждое ведомство делает свое дело, дезорганизуя другое... В обществе существуют две модели мира, тяготеющие к разным цивилизациям, между которыми слабое взаимопроникновение...» С этими суждениями перекликается мысль политолога Р. Хакимова о дихотомном (двойственном) сознании россиянина, воспитанном на страхе и послушании, с одной стороны, и на ненависти и мести,— с другой.

От уровня культуры правящей интеллектуальной элиты перейдем к культуре масс. Ее чрезвычайно низкий уровень достаточно наглядно отражают современная публицистика и кинематограф («Окно в Париж», «Урга», «Маленькая Вера» и т. д.). Нынешний разгул преступности и падение нравов — это ведь результат не только плохих социально-экономических условий, это и наша культура, все это входит в наш социальный характер.

Ведаем ли мы, что творим и куда идем — задает вопрос А. И. Солженицын. За два года около 60 тысяч человек убито бандитами (в четыре раза больше, чем за 10 лет войны в Афганистане!), столько же покончило жизнь самоубийством. Падает рождаемость. За два года население России уменьшилось на два миллиона человек. Не признаки ли это вырождения нации?

Какими растут в этих условиях дети, молодежь? У 80 процентов учащихся нет полноценного здоровья. В одной Москве 300 тысяч сирот, 30 тысяч

беспризорников. Треть школьников Петербурга употребляет алкоголь, пьющих девочек на 10 процентов больше, чем мальчиков. В мартовской передаче телевидения сообщалось, что около 20 процентов населения России побывало в заключении или участвовало в преступлениях. Находятся в заключении из каждой сотни тысяч россиян 558 человек (в Польше 160, в Индии — 23). Даже депутаты парламента выражаются на воровском жаргоне. Носителями какой культуры мы можем себя считать? В чем ее привлекательность для других народов? С горечью сознаешь, что носители великой русской культуры — это лишь очень тонкий слой интеллигенции.

А велико ли ее влияние? «Поэт в России больше, чем поэт», — сказал когда-то Е. Евтушенко. Но кто, кроме скорбных матерей боролся против бойни в Чечне? Ковалев, Юшенков, еще два-три имени. Так что же для нас значат честь, совесть, милосердие и любовь к ближнему? На какой морально-этической основе возможно наше возрождение? И разве все это не проявления низкой культуры нашего мышления, нашего заскорузлого менталитета и классового мировоззрения?

Кто-нибудь задумался над вопросом: почему россиян не любят ни в ближнем, ни в дальнем зарубежье, везде, где другие народы познают нас не через Достоевского и Толстого, а путем практического контакта? Почему в Европе разрушают памятники нашим солдатам-освободителям? Не потому ли это происходит, что мы чуждаемся идеи плюрализма культур, высокомерно навязывая всем свою?

РОССИЯ И ЕВРОПА

Спор о месте русской культуры в составе общечеловеческой цивилизации идет давно. Еще в прошлом веке русский мыслитель П. Я. Чаадаев писал: «Говорят про Россию, что она не принадлежит ни Европе, ни Азии, что это особый мир...» На нашем семинаре эту тему продолжил проф. М. Титаренко: «Мы не отбрасываем самоценность наших культур... Но евроцентризм нам не подходит».

Разумеется, было бы неразумно отрицать самобытность любой национальной культуры, тем более великой русской. Но сегодня мир живет идеей интеграции не только в экономике. Прогресс в отдельно взятой стране уже невозможен. «Прорубив окно» в Европу, Петр Великий перекроил Россию на европейский лад, и от этнической культуры боярской Руси мало что осталось. За три столетия Европа сама вошла в Россию. И разве больше нечему учиться у европейцев?

Например, насколько проник в наше сознание европейский демократический образ мысли? Пока сохранение империи поддерживается на всех уровнях даже ценой жизни российской молодежи, ценой грязной войны. Европейские же колониальные империи ушли в прошлое, как ушла Британия из Индии, Австралии, Канады и других стран, как ушла Франция из Алжира. Наступил момент, когда президент Де Голль сказал: эра имперского мышления кончилась, народ Алжира не победить без тысячных смертей французских мужчин. Специалисты считают, что тогда именно Де Голль переломил имперское мышление французов и тем спас страну от проникновения в нее другой цивилизации, разрушения в религиозных войнах. Как же это удалось Де Голлю? Одна из причин — Европа исповедует идеологию либерализма. Ее ценности—демократия, права человека независимо от его национальной, расовой принадлежности и вероисповедания, право нации на самоопределение и т. д. Это основы современной европейской цивилизации.

Одно из отличий русской культуры от европейской в том, что христианство пришло в Европу в V веке, а на Русь — в конце X-го; Европа узнала Аристотеля и Платона в переводе с арабского не позже IX века; Россия от европейцев — не ранее XVIII. Этническая (языческая) культура России менее христианизирована, чем у европейцев. Самобытность русской культуры и в том, что она впитала в себя многие элементы этнических культур других народов, в том числе и мусульманских.

Последние три столетия Россия училась у Европы. И петровское переустройство русского государства на европейский лад, и марксистское учение о социализме, и революция 1917 года и, наконец, система современного капитализма — все перенимается у Европы (а теперь и у Америки). Так можем ли мы, стоя в нерешительности на развилке дорог истории, отказываться от европейского опыта на том основании, что, мол, русская культура самобытна и отличается от европейской? Да, отличается, но по качеству жизни и по уровню культуры мышления и труда — не в лучшую сторону!

Разговор о мессианской роли русской культуры представляет теперь только теоретический интерес. Практически же стремление ученых показать ее полную самостоятельность от европейской цивилизации не способствует консолидации этнических культур всех россиян в единую российскую. «Хорошо,— писал Сент-Экзюпери,— если в споре между разными цивилизациями рождается что-то новое...» Мы же пока пожираем друг друга. Пока в общественном сознании россиян не утвердится принцип безусловного уважения к культуре других

народов, мы не сможем прийти к духовному единству.

РОССИЯ И ИСЛАМ

На семинаре был затронут и вопрос сосуществования русского мира с мусульманским. Академик Н. Моисеев отметил наличие такого опыта. Он действительно есть. Однако мало изучен, из него не сделаны ни политические, ни культурологические выводы. Для большинства этот опыт представляет собой многовековое открытое противостояние ислама и православия. Историческая память народов цепко держит эти факты. А ученые, похоже, ищут «стрелочника». Академик Р. Рыбаков: «Идет попытка столкнуть нас с исламом». Акад. А. Панарин: «На Западе считали, что им угрожает Россия и мусульманство. Теперь хотят столкнуть Россию с мусульманским миром».

Мысль о том, что Россию все время провоцируют на противостояние с мусульманами, повторялась не раз. А ведь факты истории говорят об обратном: если кто и толкает Россию и русских против мусульман, так это сами правители этой страны. Вспомним Афганистан!

Почему на семинаре говорили и о мусульманском мире? Потому что будущий Евразийский союз фактически одновременно и союз христиан с мусульманами. Кроме того, меняется место ислама в современном мире. Мусульманская система ценностей включает в себя социальную справедливость и милосердие. В связи с этим ислам может сыграть роль наиболее привлекательной идеологии, за которой последуют сотни миллионов недовольных мировым правопорядком. Дискуссии на эту тему ведутся во всем мире. Ответы прямо противоположные.

Не для возвеличивания татарской нации, а для ликвидации пробелов в нашем историческом образовании вслед за русским историком Л. Н. Гумилевым казанские историки И. Р. Тагиров, М. З. Закиев, В. Н. Лихачев настаивают на исследовании процесса становления татарской нации. Историю нельзя обосновывать одними сказками и былинами, нужна научно обоснованная современная интерпретация. Проблемы русско-национальных взаимоотношений давно ждут внимательного изучения и объективной оценки.

РОССИЯ И ТАТАРСТАН

Попытка Татарстана добиться статуса союзной республики, не выходя из состава РСФСР, нередко неверно интерпретировалась в средствах массовой информации. Это, к сожалению, породило недружелюбное отношение части

русского населения к татарам, особенно остро это почувствовали проживающие вне Татарстана. Такая социально-психологическая обстановка не на пользу идее единения. Российская интеллигенция могла бы содействовать ее изменению, помочь русскоязычным гражданам преодолеть это неестественное отчуждение.

Каково политическое положение Татарстана? Двусторонний Договор дал политическую стабильность, утверждает президент Республики М. Шаймиев. Большинство аналитиков считает, что Договор между Москвой и Казанью стал моделью государственно-политического решения проблемы отношений между центром и субъектом федерации, вопроса межнациональных отношений в многонациональном государстве.

Но дал ли он суверенитет Татарстану? Если да, то какой суверенитет? Юлий Квицинский советует «делать различие между суверенитетом формально-юридическим и фактическим. Чтобы быть действительно суверенным, надо иметь устойчивую самодостаточную, самовоспроизводящуюся государственную общность. Надо иметь жизнеспособную экономику».

Эти критерии суверенности имеют общий характер и, на наш взгляд, вполне приложимы к Татарстану. Он имеет формально-юридический суверенитет: Договор построен на признании основных положений двух Конституций (российской и Республики Татарстан). В статье первой Конституции Татарстана говорится, что это суверенное государство, субъект международного права.

Республика имеет и фактический (практический) суверенитет, возможный в рамках единства с Россией. Что касается экономики, чем жизнеспособнее, например, экономика Латвии или Уругвая? В силу глобализации экономики, ее интеграции и мирового разделения труда, в силу наличия мирового правопорядка (ООН), опираясь на которые любая независимая страна может суверенно и самостоятельно существовать. Примеров масса. Это и страны Балтии, и многие страны Африки, Азии и Латинской Америки. Поэтому и с этой точки зрения Татарстан мог бы стать одним из равноправных членов Евразийского союза. Но дело не только в юридическом утверждении суверенитета Татарстана. Дело еще и в том, что многие руководители других субъектов федерации, -воспитанные на принципе уравнительности, не хотят этого признать.

По каким показателям можно оценивать роль и значение отдельных субъектов федерации? В мировой практике большое значение придается двум показателям: интеллектуальному и профессиональному уровню. Сопоставим несколько показателей. Количество научных работников на 100 жителей в США составляет

1,12, в России — 0,6, в Татарстане—1,05. Количество вузов на 1 млн. жителей в США, Татарстане и Москве — почти одинаково. В 16 вузах Казани работают 48 диссертационных советов, в том числе 17 по докторским диссертациям. Теперь имеется и своя академия наук.

В республике высок уровень урбанизации (более 76% городского населения), мощный промышленный комплекс (машиностроение, нефтехимия и др.), высокий уровень профессионализма инженерно-технических кадров и квалифицированных рабочих.

По этим показателям Татарстан опережает не только многие области и края России, но и немало стран ближнего и дальнего зарубежья. Конечно, есть Москва, есть Петербург, Свердловская область, которые могут превосходить Татарстан. Однако нельзя не считаться и с фактами иного порядка: татары — единственный в России народ, который имел свою государственность и развитую письменную культуру много столетий назад. И сегодня ни одна национальная республика федерации не имеет: а) диаспоры, в три с половиной раза превосходящей свой этнос в республике (татары второй по численности народ России); б) уровня исторической взаимосвязи татар с другими народами и значения татарского языка в системе мировых языков. Кроме того, от областей России Татарстан отличается наличием: а) статуса государственности; б) двустороннего Договора с Россией и 14 специальных соглашений, регламентирующих особые политические и социально-экономические отношения между Россией и Татарстаном; в) бинационального состава населения и опыта бесконфликтного решения вопросов межнациональных отношений и т. д.

Такова специфика Татарстана по историческим, социально-политическим и иным характеристикам. Не случайно в период перестройки переход в разряд союзной республики был главной целью национального движения. В связи с этим поползновения на уравнение Татарстана с областями России не имеют под собой объективной основы.

ЕДИНЕНИЕ —ЛОГИКА ЖИЗНИ

Эйфория демократизации и стремление механически перенести американскую демократию в Россию породили, думается, неверное представление о субъектности российских областей. Исходя из них некоторые губернаторы пытались создать русские республики, например, Уральскую. Но на каком основании возможна такая государственность? На основе национальных особенностей областей России? Нет, конечно, они все этнически однородны. На

основе совместной борьбы за освобождение от колониализма? Такой борьбы не было. Возрождение в древности существовавшего государства? Но кроме мелких княжеств никакого государства в областях не было.

И хотя этот алогизм очевиден, некоторые области потребовали равных прав с национальными республиками. Между тем и революция 1917 года, и гражданская война имели характер и национально-освободительной борьбы нерусских народов. Понимая эту ситуацию и стремясь сохранить политическое единство страны, коммунисты дали нерусским народам право на государственность (союзные и автономные республики). Это был шаг вперед по сравнению с делением на губернии. В рамках даже ограниченной советским унитаризмом самостоятельности многие народы подняли свою культуру, создали систему образования на родном языке, пользуясь русскими школами и вузами вырастили свою интеллигенцию, развили современное искусство. К сожалению, при этом почти не учитывались стартовые условия. Татары, например, загнанные в узкие для них рамки автономии, за годы Советской власти не только приобрели, но и потеряли многое из того, что было достигнуто ими до революции (например, в области книжного дела). Теперь же адепты унитарного русского государства хотят и вовсе ликвидировать национальные республики. При этом они не учитывают историческую реальность и создают в государстве дополнительную напряженность, чреватую межнациональными конфликтами и угрозой распада Российской Федерации.

Являясь самостоятельным государством, находящимся на географическом и культурно-историческом стыке Европы и Азии и в специфическом политическом и социально-экономическом союзе с Россией (на уровне федерации обновленного типа или конфедерации), Татарстан может участвовать в решении проблем Евразийского союза. Исходя из этого вполне естественным представляется предложение президента Казахстана Н. Назарбаева сделать Казань столицей будущего Евразийского союза (так же как центром Европейского сообщества служит Брюссель — столица маленькой Бельгии).

На семинаре все согласилось, что союзы, созданные военным или политическим путем, не учитывают интересы всех народов, являются непрочными, эфемерными образованиями. В своем взгляде из Татарстана мы пытались осознать — насколько возможно создание нового союза на демократических принципах. Это требует новой идеологии, которая может возникнуть на стыках разных философских и религиозных учений, на базе российской цивилизации как синтез

культур славянских и тюркских народов.

Понятно, что кроме политической есть другие основы объединения народов СНГ в новый союз, которые тоже требуют нового понимания. Это, во-первых, единое экономическое пространство, однако с децентрализованным управлением, с несколькими центрами в столицах независимых государств. Во-вторых, цивилизационное основание духовного единства народов нового союза, плюрализм культур, переосмысление исторически сложившегося, нередко искаженного представления о других народах и т. д. И, наконец, формирование идеи единой России без уравнительного подхода, асимметричной федерации.

Будем реалистами — проблема эта сложна. Однако сама логика жизни, экономические потребности толкают нас к единению.